

**ПОД ЗНАМЕНОМ
САДИЗМА
МАЗОХИЗМА**

Ежевечерие у Большого ли театра, у МХАТа оживленно толкуются инсценировки. Их слышат, чтоб показать театр а-ля брос. Однако многие киты, на которых держался театральный мир, давно уже сидят на меля. Вылетающий театральный процесс возбуждает время от времени какой-нибудь студийной постановкой - и снова мухи мрут...

Один из таких возмутителей спокойствия - студенческий театр МГУ. На сауху еще тот шум, который был издан спектаклем по пара-трагедии Виктора Коркия "Черный человек, или Я бедный Сосо Джугашвили". Пресса наперебой писала о постановке, театр активно заезжал на гастроли - словом, любители дали фору многим профессиональным труппам.

Поэтому нынешнюю премьеру - "Сен-Симон, или Ночь святого Лаврентия" по пьесе (в стихах) того же драматурга "была дана данью. Об этом своеобразном "Рембо-2" Виктора Коркия продолжение "Черного человека" газета "Советская культура" пару лет назад говорила: "В новой пьесе рассматривается еще более загадочный и мутный феномен любви к тирании".

Продолжить нашу вешнюю вещь - такой соблазн у авторов-счастливцев возникать часто. Не будь его - не имели бы мы захватывающих сериалов о Шерлоке Холмсе, Джеймсе Бонде, Волке Папаянове и Заице-Руминовой. И все же времени со дня триумфа "Черного человека" утекло предостаточно. То, что в 80-м году (когда писался "Сосо Джугашвили") воспринималось как дерзкая фронда, что в 88-ом было на острие антисталинской кампании - теперь прочитывается по-новому. Ну, Сталин, ну, Берия - остобрыдали они, нехорошие коммунисты. Да и партия такая уже почилла в бозе, а о мертвых - или хорошо, или ничего.

Учитывая усталость содартя, а тем более антикоммунистической сатиры, В. Коркия постарался найти другие приемы, которые оживили бы интерес публики. В духе своего "Тотального театра", один из принципов которого - активная игра со зрительным залом, В. Коркия, не мудрствуя, прибег к такому возбуждающему средству, как секс. О чем заявлено уже в афише: "Сен-Симон" суть "порнокомедия".

И хотя в спектакле Лауру, сексуальную жертву члена Политбюро, играет мужчина, хотя актеры смешно пародируют половой акт, хотя на сцене прыгает чудесный гермафродит в гальчишке, бескозырке и бочке типа "Лебединое озеро" - все же В. Коркия и режиссер Е. Славутин не раздевают на сцене своих пионеров, не позволяют мальчика-горбуна (актер А. Дьяков) заниматься по стигом Ильяча онанизмом. В "Сен-Симоне", как и следо-

вало ожидать, мы имеем дело с порнографией социума. Ибо сказано одним из персонажей спектакля:

"Вся эта сцена - Черная Дыра, вселенское влагалище, в котором не место философским разговорам"

Поэтика В. Коркия включает в себя такие социопорнографические картинки с изломурденной бесстыдностью. Так, тогда в дни празднеств мимо маззола течет, как сперма. Народ движется к победе добра "под знаменем садизма-мазохизма". Берия (артист М. Фигас), обращаясь к Лауре (А. Нестеренко), отпускает такой комплимент: "Природа сотворила эту грудь - а ты ее скрываешь от народа!"

Подобных моментов в спектакле немало. Но главный порнографический пафос, основное содержание "Сен-Симона" все же в ином. "Есть у жертвы с палачом интимнейшая связь", - замечает один из героев "Ночи святого Лаврентия". Здесь, правда, правом первой ночи обладает не В. Коркия. Вспомним "Приглашение на казнь" Набокова, где приговоренный Циндинат и его палач тоже вступают в духовно-интимные отношения. Но автор "Сен-Симона" и театр МГУ эту связь еще более "уродуют", доводят до жутковатого абсурда. В монологе Берия, сей коммунист, уверяет: поскольку-де он "отодрал 100 тысяч женщин" (ясное дело: без противозачаточных средств), то пройдет еще 100 лет, ну триста - и в каждом из живущих на земле будет течь хотя бы капля его крови. Вот откуда возникает парадоксальная коркинская сентенция, рефреном звучащая из уст Берия и других персонажей: "Мы все живые трупы мертвых душ".

В спектакле "Сен-Симон, или Ночь святого Лаврентия" В. Коркия, Е. Славутин и театр МГУ вряд ли стремятся сеять разумное, доброе, вечное. Однако они властью потешаются

над туман, заострым, переходящим. Впечатляет концовка спектакля - уже не фарсовый, а трагичный монолог Общественного Инвалида (А. Нестеренко), замирающий под фонограмму песни "Священная война". Да, мы действительно "инвалиды, но годные к строевой". Мы с бельмом на глазу вновь глядим в светлое будущее. Не имея рук, благополучно голосуем. Неужели войнстину всегда так будет: "Тиран подох. Да здравствует тирани!"
Выпьем за Родину, выпьем за Сталина... И за театр МГУ.

Игорь КРУЧИК
Фото Саша Александрова

Студенческий театр МГУ